

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА

ИМЕНИ

МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО

Ч. 12.

За время отъ 3. (15.) Цвѣтня до 3. (15.) Мая

1877.

За редакцію отвѣчае:

В. М. ПЛОЩАНСКІЙ,

мѣстопредсѣдатель Общества.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛФАВИТ

Составил А. В. ...

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ...

Исторія Руси.

IV.

Св. Меодій и Кирилло.

Въ саму тоту пору, коли рускій князь роспростороняли владѣнне свое ътъ ладожского озера, недалеко балтійского моря, надъ предками нашими ажъ по Днѣперъ, явились въ греческой земли два мужи, котрыхъ имена засіяли безсмертною славою на цѣлу Славянщину. Були то два рѣднїи братья, сыны заможного обывателя изъ Тесалоники, знакомиго воеводы Льва. Старшому зъ нихъ було на имя Меодій, а молодшїи по кресту звався Константинъ, но, постригшися въ чернецъ, прибравъ имя Кирилла.

Були часы, коли Славяне цѣлыми громадами переселялись изъ придунайскихъ околицъ въ землю богатыхъ Грековъ. Були часы, що по греческихъ селахъ и мѣстахъ що-разъ густѣше и голоснѣше слышна була славянска рѣчь, славянскїи языкъ. Закроилось було на то, що Греки мали уже пропасти, т. е. затеряти свою мову, свою природу, а приняти славянску. Прїйшло бо до того, що богомольцѣ, ѡтправляючися зъ далекого Запада на прощу въ Святу Землю до Иерусалима, уже на 100 лѣтъ передъ прибытїемъ нашего Рюрика, въ цѣлїи полудневїи Греци встрѣчали такъ многїи громады Славянъ, що имъ цѣла Греція являлась славянскою.

Була однакожь одна велика причина, котра спасла Грековъ въ часѣ великои немочи ътъ затраты: було то, що всѣ тїи великїи громады Славянъ не мали и не знали нїякои связи межъ собою. Не було у нихъ нї могучого славянского царства, зъ которого выходили бы розумнїи уставы и спасительнїи указы, где бы они, якъ пчолы около одной матки, соединялись. Не було у нихъ такожь и письма, котре поучило бы ихъ ѡ тѣмъ, якъ великїи, якъ широкїи бувъ ихъ языкъ, ихъ мова,

якъ богато людей однако говорило, однако мыслило. Тому-то не дивота, если Греки побѣдили тымъ, що мали свою связь въ особѣ царя — и въ богатѣмъ, письменнѣмъ своемъ языкѣ.

Такъ Греки перевели поселившихся густо на ихъ земли Славянъ на свою мову, на свои обычаи, — но закѣмъ то послѣдовало, Провидѣнне Божое присудило, що на греческѣй землѣ, черезъ тыхъ-то братьей нашихъ Славянъ, склалась славна наша Азбука, составилось славянске письмо.

Мееодій и Кирилло, уже зъ-малу, вырастаючи по-межь околичными Славянами, зросли въ славянскѣмъ языкѣ. Съ языкомъ присвоили собѣ такъ духа, якъ и славянске сердце. Коли старшій Мееодій не означався великими дарованьями ума и бѣльше похопный бувъ до свѣтскихъ справъ: молодшій, Кирилло, удивлявъ всѣхъ незвычайю своею даровитостью. Уже на самѣмъ возрастѣ, яко хлопецъ, почувъ въ собѣ влеченье и жажду до занятій духовныхъ.

Въ ту пору огромный громады народѣвъ: Славянъ, Болгаръ, Хазаръ и другихъ, жили въ темнѣй, поганскѣй вѣрѣ, а где-котрѣ, якъ Хазаре, стали наvertатись до вѣры аравійского пророка Могамеда, котру-то вѣру теперь исповѣдуютъ Турки. Въ ту пору роспространяли вѣру въ пророка Могамеда великою силою Аравы, нарѣдъ славный и бойкій, зъ надъ Червоного моря въ Азїи. Була то отже для христїанскои вѣры, а найбѣльше для греческои Церкви, дуже важна пора, бо росходилось о то: чи приймутъ Славяне, найближшій Грекамъ, христїянску вѣру, со вѣрма прекрасными обрядами греческои Церкви?

И въ счастливе розвязанье того, такъ многоважного дѣла, посвятивъ себе Кирилло житью духовному и постановивъ собѣ, приспособитись на проповѣдника - апостола христїанскои вѣры, по святымъ обрядамъ греческои Церкви. Уже въ 15-ѣмъ року житя свого побиравъ ѡнъ науки въ Царгородѣ, разомъ съ пѣдвѣйшимъ греческимъ царемъ Михайломъ III., ѡтъ найславнѣйшихъ ученыхъ, Льва и Фотїя. Принявши духовне посвященье, звѣдавъ ѡнъ чужїй далекий стороны и на якійсь часъ, въ цѣли затишногo собранья духа, проживъ въ монастырѣ, на Олимпійскѣй горѣ. За добрымъ его примѣромъ поїшовъ и старшій братъ, Мееодій, котрый постригся въ черницѣ. Пер-

вымъ позорищемъ ихъ христіолюбивою дѣятельности була Македонія, а послѣ пустились въ край Хазаровъ, межъ каспійскимъ моремъ, а долѣшнимъ Днѣпромъ.

Важными и вѣчно памятными для всѣхъ Славянъ стали оба братья зъ той поры, якъ моравскій князь Ростиславъ и Святополкъ, попросили царя греческого Михайла III. о присланьи греческихъ отцевъ духовныхъ, 863 року. Братья нашѣ Моравяне були уже по-части христіянами, а на вернули ихъ на свою вѣру нѣмецкїи священники. Було у нихъ такъ, що чужїи отцы духовнїи, зъ Нѣмеччины, Италїи, правильнѣ богослуженья на чужбѣ, для народа незрозумѣлымъ языцѣ. Увѣдавши о ревности славянскихъ апостоловъ въ далекой Греції, прокинулась въ головѣ и сердци ихъ счастлива гадка — завзати ихъ до себе. Дуже трудно ширилось христіянство по латинскому обряду межъ западными Славянами, въ теперѣшнихъ Чехахъ и въ Моравїи, и въ нынѣшней полудневой Угорщинѣ. Съ великою неохотою, ба навѣтъ съ упоромъ, наслуховавъ народъ непонятныхъ для него латинскихъ моленій, а чужїи проповѣдники не съ братнѣю любовью обходилися съ нимъ, а съ жаждою панованья, подкрѣпленья своей духовной власти, поблѣшенья и умноженья своихъ приходовъ.

Натомѣсть славянскїи апостолы владѣли живою, зрозумѣлою мовою, бо, къ праведному исполненю високого посланничества своего, перевели они святу литургїю и цѣле богослуженье изъ греческого языка на славянскїи. Взались они ревню переводити святе Письмо на славянску мову, а то въ той спосбѣ, що уложили Азбуку, котра-то Азбука по нынѣшней день во вѣчнїи часы, яко церковне письмо, зовеся у насъ кириллицею.

Такъ великимъ трудомъ и даровитостью своею совершивъ Кирилло велике дѣло, котре могло всѣхъ Славянъ соединити на лонѣ одной, всѣмъ приноврвленной Церкви. Бо и гдѣжь могла бути бблѣша привлекаюча сила, якъ не въ живомъ словѣ нашей славянской Церкви? Такъ и сталося, що ледви явились они на велико-моравскій земли, почавъ народъ горнутися до нихъ съ охотою, бо горнувся не до чужого, а до своего. Въ славянскѣмъ богослуженью обнародовилася велика сила: стало

шпиряться быстро христiянство, росли церкви, якъ бы по самому приказу Божому, а не ътъ рукъ людскихъ.

Но таке велике счастье ихъ, такъ значнiй успѣхи, затревожили Нѣмцѣвъ. Переполошились они тымъ не мало, увидѣвши, якъ на велико-моравскѣй земли, такъ могучѣй и страшнѣй для нихъ, нова сила, бо сила чудотворна христiянско-славянскои вѣры, загортала и одушевляла всѣхъ людей. Не могли они спокѣйно придвлятися такимъ переворотамъ. Нѣмцѣ загадали були пѣдбити собѣ сосѣднихъ Славянъ, где тѣлько посчестилось имъ поставити костелы латинскiй. А ту видѣли, якъ скоро костелы тiи счезли, а вмѣсто нихъ стали сдвигатися славянскiй церкви! Прогнанi ътъ народа чужiй латинскiй попу, пѣдняли великiй крикъ и шумъ. За ихъ плечима стояли: могучiй нѣмецкiй король и голова ихъ всѣхъ, папа римскiй.

Оклеветанi передъ папою, яко бы ученемъ своимъ обаламучовали нарѣдъ, принужденi були оба братья ѡтправитися въ Римъ, щобы оправдатися. Въ ту бо саму пору, за царгородского патрiарха Фотiя, послѣдовало роздвоенье восточнои православнои Церкви греческою съ римскою, западною. Тожъ и не трудно було духовенству нѣмецкому, пѣднести жалобу на греко-славянскихъ апостолѣвъ. Явились они оба въ Римъ, но тамъ папа Адрианъ II., послѣдовшихъ розговорѣвъ съ ними, вмѣстѣ съ учеными придворными владыками своими, не узнавъ ничего противного въ ихъ ученью. Въ Римѣ пробули они ътъ 867. до 869. року, а папа Адрианъ, переконавшись о православию ихъ, одобрявъ заведенне ними славянске богослуженье.

Провидѣнемъ Божиимъ не було суждено Кириллу, вернутися изъ Рима на свое апостольске поприще. Велике напряженье силъ и неуспяюча ревнѣсть, ослабили его тѣлеснi силы до той степени, що на дни 14 лютого 869 р. померъ въ 42 року многѣятельного житья своего. Нерозлучнымъ товаришемъ его и послушнымъ сотрудиномъ до самой смерти бувъ старшiй братъ Меѡдiй. Ѳгдаючи праведну душу свою въ Божi руки, еще въ послѣднѣй хвилѣ теплыми словами упоминавъ св. Кирилло брата до вытревалости въ розпочатѣмъ дѣлѣ. „Не уставай въ спасеннѣмъ дѣлѣ и не опускай паствы, котру мы придбали...“

Мертве тѣло св. Кирилла похоронили въ Римѣ, въ храмѣ св. Климента. Коли въ государствѣ велико-моравскомъ вспыхнули незгоды и вражды межъ обома князьями, Ростиславомъ и Святославомъ: перемѣстився нашъ Меѳодій до Панноніи, межъ Словенѣвъ, въ теперѣшней полудневой Угорщинѣ, где владѣвъ мудрый, горячо сприяющей трудамъ его князь Коцель. Той, намѣряючи возстановити епархію паннонскую, еще давнѣйше заведену римскимъ патріархомъ, пбславъ Меѳодія назадъ въ Римъ, щобы тамъ поставили его на владычій престолъ для Панноніи. Такъ узыскавъ Меѳодій въ Римѣ ѳтъ папы достоинство владыки-архіерея на цѣлу Моравію и Паннонію.

Но съ тымъ началась еще ббльша вражда нѣмецкого духовенства противъ славянского владыки. Якъ шило зъ мѣшка, выйшла правдива причина ихъ гнѣву на явъ. Вотъ, кричали они, що Меѳодій посѣвъ неправо самі важнѣйшіи для нихъ части ихъ владыцтва. На самыхъ крикахъ не кбачилозъ: они запбзвали его передъ судъ нѣмецкій и на пбвтора року засадили, якъ бы преступника, во вязницѣ. И не були бы она выпустили его на свободу, если бы не вдавса бувъ въ тую справу папа римскій, вырѣкаючи на нихъ клятву.

За той часъ въ Моравіи удержавъ верхъ надъ всѣми противниками своими Святополкъ, и дозрѣвъ саму угодливу пору пбдкрѣпленья всѣхъ силъ въ цѣломъ государствѣ своемъ: водвореньемъ славянской церкви и обряда. Въ той цѣли узыскавъ ѳтъ папы Іоанна III. возвышенье Меѳодія на архіепископство. Такимъ образомъ розширилась и скрѣпилась значно апостольска дѣятельность Меѳодія. Въ Чехахъ послѣдовало крещенье князя Борживоя и Людмилы 874 року. Такі великі успѣхи въ церковной справѣ славянской выкликали сновъ велику вражду у Нѣмцѣвъ. Сновъ они обмовили Меѳодія передъ папою и заставили передъ самою смертію, оправдатись въ Римѣ. Якъ впередъ, такъ и теперь оправдавса ѳнъ цѣлкомъ 880 року, получивъ затверждение въ архіепископскомъ достоинствѣ, а духовной власти его приказавъ папа повиноватись навѣтъ латинскимъ священникамъ. Послѣ сего упоковився въ Бозѣ Меѳодій, на дни 6-го Грудня, а тѣло его, якъ пишуть, спочивае въ храмѣ св. Маріи въ Велеградѣ, въ Моравіи.

По смерти обохъ славянскихъ апостолѣвъ не дали враждебнѣи Нѣмцѣ остоятись ихъ святому, спасительному дѣлу въ западнѣи Славянщинѣ. Церковь наша не получила ніякои помочи зъ Царгорода ѳтъ Грековѣвъ. На Моравянѣвъ призвали Нѣмцѣ дикихъ Мадяръ-Угрѣвъ, народѣ кочующій, зъ Азіи, и велика моравска держава распалась пѣдѣ ударами тыхъ степовыхъ наѣздинокѣвъ... Упала и затратилась славянска церковь, а нѣмецко-латинскіи священники респочали на-ново мисіи. Натѣмѣсть дѣлу славянскихъ апостолѣвъ назначена була бѣльша просторонѣ: велика земля въ той часѣ еще поганскои Руси.

V.

Князь Олегъ, опѣкунъ Игоря.

Хоть велике було розстоянѣ межъ Новгородомъ а Кіевомъ, то рѣка Днѣпръ доволѣ скоро привозила жителей пѣвночно-западныхъ земель въ землю Полянѣ. Если многіи Новгородцѣ утѣкали въ Кіевъ, такъ всѣ знали, куда и якъ найскорше тамъ дѣстатися. Не обѣшлося про то безъ того, щобы Кіевъ, прибѣжище утѣкающихъ передъ русекими князями Новгородцѣвъ, мѣсто, положене на самѣи воднѣи дорожѣ въ богату Грецію, бо надъ рѣкою Днѣпромъ, не звернувъ на себе чуйнои уваги хитрого, примѣтливого Олега. Обнявши въ имени малолѣтнего Игоря владѣнѣ надъ русскою землею, Олегъ объявивъ заразъ велику прозорливість и предприѣмчивість. Для настающей Руси була то сама важна пора. Ходило бо о то, щобы укрѣпилась, завладѣла цѣлою тою водною дорогою, рѣкою Днѣпромъ, щобы узыскала для себе вѣльный приступ до Грековѣвъ, узыскала богатіи въ плодовиѣсть стороны, залюдненіи численными племенами славянскими. Чимъ бѣльше славянскихъ земель, чимъ бѣльше родѣвъ вступало въ составъ Руси, тымъ сильнѣйшою и можливѣйшою ставалась она для будущности. Для такой великои цѣли не мѣгъ бути лучшій, удачнѣйшій князь, якъ Олегъ, опѣкунъ Игоря.

Первымъ подвигомъ его було, що, собравши дружину на лодки, ѳплывъ съ малолѣтнимъ Игоремъ пѣдѣ Кіевъ. Ту не выступивъ ѳнъ явно, съ отвертою силою, но удавъ себе за

якого-то русекого купця, скривши дружину свою. Такъ захитривши мудро свое дѣло, запросивъ Аскольда и Дира на слово. Не замѣтивши ніякого лиха, удались оба они на его лодку. Обскочили ихъ збройні люди изъ всѣхъ сторонъ, а князь Олегъ повитавъ ихъ такою грозною рѣчью: „Вы не князѣ, ні роду княжого, а я роду княжого!“ А показавши имъ малого Игоря: „Вотъ сынъ Рюрикѣвъ!“ сказавъ. По чѣмъ Аскольдъ и Диръ убитіи и погребеніи на горѣ. Кіевляне ніякого сопротивленья не ставляли новимъ панамъ. Занявши мѣсто, вѣщимъ духомъ передсказавъ Олегъ: „Се буде мать-столиця всѣмъ русскимъ городамъ!“

Призвавши до себе еще бѣльшу дружину изъ Варяго-Русѣвъ, сдѣлавъ Олегъ въ самѣмъ дѣлѣ изъ Кіева столицю Руси. Не лишъ бо цѣла просторонь околичной землѣ була дуже плодovitа; положенъе самого мѣста, на граници великихъ чорноморскихъ степѣвъ, на мѣстци, где Днѣпръ, за приплывомъ прибочныхъ рѣкъ, Припети и Десны, стаеся великимъ, присудило городу Кіеву немале значенъе. Стѣдовало русскимъ князямъ, сдѣлати зъ него оборонительный городъ противъ напасти степовой дичи. Опершися тревало о Кіевъ, могли они завоювати всѣ непокореніи доси землѣ ажъ по Карпаты, могли отправляти походы ажъ до Царгорода.

Отъ занятія Кіева Олегомъ, исторія Руси починае розвиватися знакомитше. Новгородцямъ приказавъ доставляти рочну дань въ Кіевъ, що було первымъ головнымъ правомъ княжои власти. Почавъ онъ русскихъ знакомитыхъ людей надѣляти землями, закладати новіи мѣста, новіи города и забирати подъ владѣнъе землю Сѣверянъ, т. е. Славянъ пѣвнѣчныхъ, и Радимичей. Оба тіи племена платили дань Хазарамъ. „Я горогъ Хазарамъ, а совѣмъ не вамъ!“ говоривъ имъ Олегъ, тай узискавъ ихъ для себе безъ опоры.

Но имя князя Олега стало памятне и для насъ, для теperшнѣи Галицкои Руси, котра въ той часъ звалася Хробатією, землею Червенскою, землею Дулибѣвъ. Загорнувъ онъ и тіи нашѣ землѣ въ свою власть, ставъ управляти ними и творити изъ нихъ рускіи области. Найбѣльшій опоръ ставляли ему сусѣдніи Полянамъ Деревляне, до нихъ бо не заходили Хазары и не платили они

ніякои дани. Не хотѣли прого коритися Русскимъ, но улягли перемагающѣй силѣ.

Завоювавши стѣлько новыхъ численныхъ племенъ, посунувши рубежи русскаго владѣнья ътъ далекаго Новгородъ племескаго, ажъ пѣдъ Карпаты: загадавъ Олегъ запрятати всѣхъ великимъ подвигомъ. Розумнымъ замысломъ его було то, що хотѣвъ ънъ показати имъ великѣ корысти и выгоды, якѣ походили ътъ соединенья всѣхъ ихъ, пѣдъ одною могучою князю властѣю. Загадавъ ънъ передъ очами всѣхъ розвинути ту велику силу, до якои прѣшли они черезъ покоренье власти. Самое бо тихое повиновенье въ тыхъ часахъ не могло остоятисъ, если не явилось какое-то великое, корыстное для всѣхъ дѣло. Такимъ-то дѣломъ стався славный походъ его, пѣднѣтый на Грекѣвъ, на богате мѣсто Царгородъ (Константинополь) 907 року.

Съ великою на тѣи часы силою, бо на 200 лодахъ, на каждой лоди по 40 чоловѣка, и съ многими на коняхъ, пѣднѣвся ънъ перевести всѣхъ, узнавшихъ верховну власть его Варяго-Руссѣвъ, Славянъ, Деревлянъ, Радимичей, Хорватѣвъ, Дулибѣвъ и Червенцѣвъ, въ Грецію. Великѣй пополохъ наставъ межъ Греками, скоро явилась така велика сила передъ воротами Царгорода! „Не губи наше мѣсто; мы беремъ давати тобѣ дань, яку схочешъ,“ сказали Греки Олегу. И станула перва угода: межъ Русскими, на чолѣ котрыхъ князь Олегъ, а Греками, маючими въ ту пору двохъ царей: Льва и Александра. Угуду тую заприсягли ѡбѣ стороны; Греки цѣловали крестъ — знамя христіанскою вѣры, а Рускѣи клялися оружіемъ, Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, богомъ худобы. Въ четыре роки пѣднѣйше (911) Греки списали цѣлу угоду на грамотѣ, такъ для доброй памяти, якъ и для того, щобы въ случаяхъ спору — знали, на що поклякати, знали, до чою и на що ѡбѣ стороны съобязалися.

Грамота первою угоды Русскихъ съ Греками сталася для нашеи Исторіи дуже памятнымъ свѣдоцтвомъ, не лишъ бо Греки, въ пору самого похода, заплатили грѣшми по 12 гривень на каждую лодъ (корабель), но съобязались, мира и спокою ради, умовитисъ въ той спосѣбъ, щобы русскимъ купцамъ вѣльно було навѣщати Грецію, а греческимъ

Русь. Съ такой-то umowy, скрѣпленою клятвою, повстала упомянута Грамота.

Въ туо бо пору не знали и не понимали ні Поляне, ні Деревляне, ні всё другі, що то значило: заключати грамоту угоду съ такимъ народомъ, якъ були Греки. Знаемъ, яку високу цѣннѣсть мають въ нашихъ часахъ такі письма, котрі забезпечаютъ намъ наше право, нашу корысть въ якихъ нибудь справахъ або дѣлахъ. Письма подобні заховують и стерегутъ люди, бо бгъ ихъ залежить безпеченство власности, котра переходить на внуковъ и правнуковъ. Но якъ не знали въ той часъ предки наші еще письма, такъ и не розумѣли того, що значила грамота, на письмѣ принята угода.

Такъ Греки научили Русскихъ, заключати угоду, котру они списали для доброй памяти.

Угоду таку могли она заключити тѣлько съ такимъ, у котрого була своя знакомиа власть и сила, и то не въ четыре очн, а при свѣдкахъ. Тому-то 911 року являються уже знакомиті послы бгъ князя Олега, щобы яко свѣдки скрѣпили туо угоду на грамотѣ. А межъ свѣдками тыми, послами, находимъ уже и двоухъ Славянъ: Велмуда и Стемара. Есть то доказъ, що не самі Варяги-пѣвнѣчники були почетными особами около русского князя Олега и его достойниками, повѣрниками, а припускавъ бгъ до той великой чести и заслуженыхъ Славянъ. Такъ поступаючи на вѣрну службу у князя, головы всѣмъ, стали доступати знакомиті мужі славянского роду великой чести, стали русчитися, бо дѣлалнсь участниками княжон власти. Вспирали и заступали его своею клятвою тамъ, где ходило о то, щобы забезпечити яке добро для всѣхъ земель русскихъ.

Не для себе, не для своей особы заключивъ Олегъ угоду съ Греками. Вычисляються въ той угодѣ имена мѣстъ, городѣвъ, якъ: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другі. Походомъ своимъ на Грецію доннявъ Олегъ того, що богата Греція отворилася свободному приплыву русскихъ кушцѣвъ, а Русь обовязалася, пріязно обходитися съ греческими кушцами. Вѣдомо намъ, що всяка торговля wymagaе безпеченства, такъ особы, якъ и маетку, wymagaе того, щобы стычности чужихъ сторонскихъ торгующихъ людей, на чужой

земли, межъ чужими, мали свою охорону и оборону, въ случаю якогъ нибудь напасти, або wypadку. Якъ мали поступати собѣ Греки, если Русекій померъ въ Царгородѣ, а що сновъ дѣлати були повинні русскій люди, если греческому купцеви межъ ними сталась яка недобра пригода? — Безъ лукавыхъ людей нї ту, нї тамъ не могло обійтися. Обдерти, убити, або покалѣчити легко могли одні другихъ. На всѣ такі wypadки назначались кары и застереженья въ той угодѣ.

Такъ сталося, що межъ Греками а молодою Русію завязались на будучність тревалі отношенья. Сталося, що покораившися племена почали пбзнавати тоє велике добро, яке выходило для нихъ всѣхъ изъ соединенья въ одну велику силу. И якъ бы передвижуюча то, що пбзднйше послѣдовати мало, Греки стали русекихъ послбвъ, скрѣпившихъ той славный договоръ, обводити по церквахъ и говорити имъ о христіанскій вѣрѣ.

Якъ тільки послѣ заключенья угоды (договора) повернули русскіи послы домбв 912 року, померъ Олегъ въ осени. Незвыкла особа того владѣльца заховалась въ глубокой памяти цѣлого русского народа въ особлившбмъ преданью о его смерти.

Одного часу, розеказують, спросивъ Олегъ ворожбитбв: бтъ чого смерть ему буде?

На то бтповѣвъ одинъ ворожбитъ: „Тобѣ, князю, прійдеся умерти бтъ любимого коня, на котрбмъ ты всегда ѣдишь!“

Увѣдавши таке, подумавъ собѣ князь Олегъ: „Такъ николи не сяду на того коня и не увижу его!“ И приказавъ кормити его, но николи не выводити изъ стайнѣ. За пять лѣтъ пригадавъ собѣ за того коня, призвавъ конюшого и поспытавъ: „Где той кбнь мбй, що я приказавъ кормити?“ Конюшій бтповѣвъ: „Онъ уже мертвъ!“ Тогда Олегъ ставъ смѣятися зъ ворожбита и каже: „Ворожбиты лгутъ вѣчно; кбнь мертвъ, а я живу! Поѣду посмотриѣти на его кости.“

Но коли прійхавъ на мѣстце, где лежали голі кбнскіи кости и черепъ зъ головы, злѣзъ зъ коня и наступивъ ногою на черепъ, говорячи: „Такъ бтъ черепа того прійдеся менѣ умерти?“ Но ту выповзла изъ черепа змія и укусила его въ ногу. Князь розболѣвся и на рану померъ...

Такимъ - то оповѣданьемъ высказавъ глубоко правду народъ о князю Олегу. Хотя якій мудрый и вѣщій бувъ ѓнь, ѓтъ смерти не мѡгъ ѓнь застеречись своею мудростію. И князямъ суждено статись наконецъ тымъ, чимъ стаеся кажде животне, т. е. черепомъ...

VI.

Князь Игорьъ.

По смерти Олега, наслѣдникъ его, Игорьъ, сынъ Рюрика, мавъ уже тогда 35 лѣтъ. Еще 903 року придали ему жену Ольгу изъ Пскова. Игорьъ повиновався во всемъ Олегу, якъ довго владѣвъ послѣдній. Но въ натурѣ его не було такихъ счастливыхъ дарованій. Еще малымъ хлопчатемъ — бувъ ѓнь свѣдомъ наочнымъ, якъ легкимъ способомъ и подступною хитростію убивъ своякъ его Олегъ Аскольда и Дира и завладѣвъ Кіевомъ. Тое событіе глубоко вплинуло на молоду его душу, бо нищо не остаеся въ живѡй памяти чловѣка черезъ цѣле житье, якъ незвыклій дѣла, котрымъ зъ малу придвигаеть хлопчачими очима... Зъ той поры пѡйшло, що хитрость, жажда обманства, стались головнымъ свойствомъ въ душѣ подроствающого Игоря. Но хитрѡсть, обманчивѡсть, безъ розуму и крѣпкон волѣ, ставалась проворностію, якою ѓтзначаються навѣтъ и саміи нечестіи люди. Дѡ того счастливіи подвиги Олега на Грековѣхъ приспорили не мале богатство въ золотѣ, сребрѣ и дорогихъ паволокахъ. Придвляючись такимъ добыткамъ, впеленилась въ душу Игоря друга лукавѡсть: захланнѡсть. Такъ бувъ ѓнь проворный и захланый, а не мавъ въ собѣ ратного, боевого духа, якій потрібный бувъ въ той часѣ, коли належало скрѣпити соединеніи славянскіи землѣ якими новыми и славными походами и збройною силою заводити въ нихъ порядки.

Заключена угода съ Греками, если мала бути корыстною для Руси, вымагала того, чтобы князь пильновавъ ю достаточною силою, чтобы каравъ сваволю тыхъ Русскихъ, котрѣ, гордючи побѣдою помершого Олега, допускались безправныхъ дѣлъ и кривдъ на Грекахъ. Но уже въ самыхъ початкахъ владѣнья Игоря, повага и страхъ для княжѡи особы на стѣлько

пѣдушали, що Деревляне перестали платити наложену на нихъ Олегомъ дань, затворились передъ поборщиками и при- нудили нового князѣ, выправитись на нихъ съ оружіемъ. Сча- стье велике, що за примѣромъ Деревлянъ не поѣшли и другіи. Игорь побивъ Деревлянъ и наложивъ на нихъ еще бѣльшу дань, якъ платили доси.

Послѣ той невеликою нужды съ Деревлянами, заскочила Игоря еще бѣльша съ Греками. Въ Олеговѣй угодѣ много справъ обѣ стороны не могли передвидѣти. Показалось, що рус- скіи люди стали дуже лакомо горнутись въ Царгородъ, якъ въ яку отверту гостоду для нихъ, где, ведля умовы съ Оле- гомъ, черезъ 6 мѣсяцѣвъ могли проживати дармо, коштомъ греческого царя; до того, яко побѣдителей, не заходили собѣ съ Греками ніякъ по пріязни, ні по правдѣ, ні по прагу. Греки узнали, що для купцѣвъ ихъ, ѡтправляючихся на Русь, не було ні охороны, ні обороны. До того не було выражено въ Олего- вѣй угодѣ, на якъ довго она зроблена. Учувши про нужду съ Деревлянами, якъ же мали Греки, чужій и далекій ѡтъ Руси, терпѣливо зносити всѣ тягары, якій наложила на нихъ Олегова угода? Оть -- подумали собѣ Греки: померъ Олегъ, неважній теперь для насъ его дѣла! Такимъ способомъ утратила Олегова угода свою силу, а Греки стали прогнати и ѡтбивати Русскихъ изъ своего отечества.

Пріѣшлося Игорю, пѣднати силу на Грековъ. Но, вмѣсто уложити справу розумно и прозорно, Игорь задумавъ такъ легко покорити Грековъ, якъ Деревлянъ. Если Олегъ пѣднйвъ походъ съ многими племенами, на чолѣ значной русской дру- жины: то безрозумній Игорь поплывъ съ невеликою шайкою, якъ бы на екзекуцію. Тогда близкими сосѣдами Грековъ були, Болгаре. Бувъ то нарѣдъ, зайшовшій зъ Азіи, подѣбно якъ всѣ другіи кочовники. Корѣнь свѣй лишивъ бнѣ на долѣшнихъ берегахъ рѣки Волги, пѣдъ именемъ бѣлыхъ Болгаръ, а самъ звалився по-за устье Дунаю, на ту часть землѣ Грековъ, котру, на 200 лѣтъ впередъ, залюднили були Славяне. Тыхъ Славянъ не здужали Болгаре перебити и загладити. Противно, сами они приняли славянскій языкъ, а въ свою пору славянскій апостоль Меѣодій наворачнувъ ихъ на христіянску вѣру, ведля греко-славянского обряда.

Тя-то Болгаре стали сторожити Грекамъ. Заразъ побѣгли въ Царгородъ и подали вѣсть, що идутъ Русскіи. Греки повитали Игоря своимъ славнымъ огнемъ, котрый быстро попавъ ихъ лодки. Такъ побѣжденъ бѣтъ Грековъ 941 року, лѣдвн утѣкъ Игорь съ недобитками своего войска до дому. И ту ставъ бнъ свѣй соромъ извиняти тымъ, що у Грековъ якій-то чудесный огонь, якъ небесна блискавица, пала на нищила Русскихъ.

Таке несчастье, наведено на Русь безрозумною легкодушностью, съ якою Игорь пѣднявъ похѣдъ на Грековъ, въ цѣли привернення Олеговой угоды, могло повлечи за собою дуже лихій наслѣдства, если бы Греки знали були хѣсновати изъ своен побѣды. Но они, запятані на всѣ стороны ворогами, раді були, що побулись русскою напасти. Оставили Игоревн часть, собрати свѣжй, великй силы и направити свою нужду.

Объявилось то, що племена, вѣйшовши недавно въ складъ Руси, пѣзнали уже корысть и выгоды, якй настали були для нихъ зъ Олеговой побѣды надъ Греками. Не трудно прійшлоь Игоревн, собрати новый великй похѣдъ. Нанявъ бнъ свѣжихъ Варяговъ изъ-за моря, скликавъ Полянъ, Сѣверянъ, Кривичей, Надднѣстровцѣвъ, зазвавъ Печенѣговъ, а взявши у нихъ закладникѣвъ, на лодяхъ и коняхъ пустился бѣомстити на Грекахъ свою нужду.

При устьѣ рѣки Днѣпра въ Черне море, якъ бы на чатахъ, стояло греческе мѣсто Корсунъ. Сейчасъ дали знати Корсунцѣ царевн греческому: „Иде Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей, — поккрыли все море кораблѣ!“ И Болгаре поспѣшили доложити: „Иде Русь; наняли и Печенѣговъ!“ Греческй царь пѣславъ къ Игорю знакомитшихъ бояръ своихъ съ просьбою: „Не ходи, но возьми дань, котру бравъ Олегъ, придамо еще бѣльше!“ Греки передали Печенѣгамъ дорогй ткани и много золота. Дѣйшовши Дуная, призвавъ князь дружину свою и ставъ радитись, що починати. Дружина сказала: „Если такъ говоритъ царь, то чогожь намъ бѣльше? Не бившись, возьмемъ золото, серебро и паволоки; не знаемъ, кто кого переможе, а море нищо довѣряти; не на земли ходимъ, а по глубинѣ морскѣй; одна смерть веѣмъ...“

Услухавъ Игорьъ дружины и приказавъ Печенѣгамъ, воювати болгарску землю, а самъ взявъ у Грекобъ золото и паволоки на себе и на цѣле войско и вернувъ до Кіева. Такъ закінчився похідъ 944 року.

Слѣдуючого 945 року станула нова угода межъ Русскими а Греками. По тѣй причинѣ отправились послы и гостѣ въ Царгородъ отъ князя и цѣлого его роду и заключили вѣчный миръ: „поки солнице сіяе и весь міръ стоить.“ Въ новѣй тѣй угодѣ застерѣгаеся клятвою наблюданье вѣчного мира. Давнѣйша умова съ Олегомъ була теперь въ многихъ точкахъ на корысть Грекобъ поправлена, залежало бо такъ Грекамъ якъ и Русскимъ на томъ, щобы усунути можливі причины до вражды, сваволь и кривды. Греки вымагали, щобы русскій купецъ являлся съ грамотами въ рукахъ отъ своего князя тѣлько въ невеликомъ числѣ, въ мирныхъ справахъ, а не за добычью. Застерегли собѣ дальше, щобы на Руси перебувавъ одинъ греческій урядникъ, назначеный на той урядъ самымъ царемъ, котрый мавъ судити всякій споры межъ Греками и русскими людьми. Злодѣевъ за кражу мали они судити по греческому праву. И купцамъ русскимъ назначили: на скѣлько и якъ могутъ куповати товары въ Царгородѣ. Русскіи обовязались, перестати всяку напасть на мѣсто Корсунь, не зимовати въ устью Днѣпра, а въ случаю якои нужды, обѣ стороны обѣщали помагати собѣ войскомъ.

Послы русскій вернулись въ Кіевъ, въ сопроводѣ греческихъ послѣвъ. За ихъ прибытьемъ совершилось до сихъ поръ невидане и неслыхане торжество. Со веходомъ солнца, призвавъ князь Игорьъ греческихъ послѣвъ и выйшовъ съ ними на горбъ, где стоявъ болванъ Перуна изъ камѣня, котрому поклонялись нашій Поляне и всѣ Русскій. Ту всѣ Русскій поклали свое оружье, щиты, золото, и цѣла некрещена Русь разомъ съ княземъ сложила. Христіане присягли въ церкви св. Іліи, котра була перва соборна христіанска церковь въ Кіевѣ, многіи бо Варяги були уже крещеніи. Игорьъ, обдаривши послѣвъ кожухами, невольниками и воскомъ, отпустивъ ихъ.

Участниками въ другѣмъ походѣ Игоря являются и Печенѣги. Бувъ то свѣжій степовой нарѣдъ турецкого племени, побѣдившій донскихъ кочовникѣвъ, Хазарь, съ ихъ пѣддаными,

Уграми. Наплыли они изъ середѣи Азій тымъ самымъ путемъ, якъ ихъ попередники, а побивши Хазарь, явились на границяхъ Руси. Игорь, еще 915 року, заключивъ съ ними миръ, но за пять лѣтъ принужденъ бувъ съ ними боротися. Здаєся, що не такъ оружіемъ сдужавъ онъ ѳвернути тыхъ лупежныхъ поганцѣвъ, якъ скорше угласкавъ ихъ тымъ, що пріймивъ ихъ въ союзникѣвъ. Въ такѣмъ то небезпечнѣмъ союзѣ для Руси явились тѣ погані Печенѣги въ походѣ 944 року.

Подобна пріязнь съ Печенѣгами знаменує слаббсть и недостатокъ боевого духа у князя Игора. Недивота, если охоча до боєвъ дружина его стала безпокоитися. Однѣ зъ нихъ пошли на службу до греческого царя и бились ажъ въ Италіи, другі, посбиравши многъ Варягъ-заволокѣвъ, выправлялись черезъ каспійске море въ малу Азію ажъ до Арменіи и дальше. Тѣ, що служили около князя, стали завидовати имѣнья однѣ другимъ. А бувъ въ дружинѣ Игора воевода Свинельдъ, котрому приказавъ князь, ходити за данію по племенахъ и силомѣцью брати у тыхъ, котрі не хотѣли платити. Свинельдъ обогатився такъ, що всѣ стали говорити князю: „Отроки Свинельда богаті оружіемъ и платьемъ, а мы нагі; поїди, князю, съ нами за данью: и ты добудешъ, и мы!“

На бѣду свою услухавъ ихъ Игорь и поїшовъ добувати изъ землѣ деревлянскои. Ставъ грабити и забирати въ двое, въ трое тѣлько, якъ належалося; вертаючи, жаль ему стало, що прійшло дѣлити цѣлый наборъ съ дружиною. Онъ самъ ласый бувъ, набрати еще бѣльше лишъ для себе самого.

Отправивши дружину, лишивъ мало людей при собѣ, и снова пустився грабити Деревлянъ. Ту перервалася терпеливбсть занатапченыхъ. Станули они передъ княземъ своимъ Маломъ и говорятъ: „Унадится вовкъ до овецъ, перегаскає цѣле стадо, пока не убьютъ его; такъ и тотъ, если не убьемъ его, то всѣхъ насъ понищитъ!“ Нарадившись такъ, послали спросити Игора: „Зачѣмъ идешъ снова? Ты же забравъ всю дань!“ — Игорь не уважавъ на ихъ запросъ, а Деревляне цѣлою громадою вышли изъ мѣста Коростена, привязали князя до двохъ деревъ и такъ разбвали его. Съ нимъ погибли и всѣ товариши его, 946 року.

Таку-то смерть по самѣй своей натурѣ найшовъ собѣ князь Игорьъ.

VII.

Княгиня Ольга.

Послѣ убитья Игоря Деревлянами, осталась вдова его Ольга съ малымъ сыномъ Святославомъ. Була то женщина рѣдкои, славной мудрости. Не лишъ бо хитростью и ловкостью своею рѣвнилась памятному князю Олегу, но дѣла и заслуги ея для дѣлои Руси — взыскали еще бѣльшую славу. Первымъ великимъ обовязкомъ своимъ уважала она: отмстити смерть мужа на Деревлянахъ. Не слѣдуе намъ судити о тяжкѣи, страшнѣи мести ея, ведля нашихъ теперѣшнихъ понятій. Въ тыхъ бо поганскихъ часахъ була мечь головнымъ закономъ. Законъ той походивъ зъ вѣры въ безсмертїе души, въ духѣвъ-опѣкунѣвъ — чурѣвъ. Ведля той вѣры, кровь убитого родича, мужа, безпокоила душу, безпокоила духа опѣкуна-чюра, котрый стерѣгъ всего возросту ѳтъ своей крови. Пролита кровь кого нибудь зъ роду, вымгала крови убійцѣвъ, бо тѣлько тымъ способомъ смирился чуръ и не ѳтступавъ добромъ своего роду. Тымъ бѣльше значенье мало въ очахъ нашихъ поганскихъ предкѣвъ убійство князя, головы всѣхъ головъ, родича всѣхъ родичей. Его смерть могла стягнути немалу нужду на цѣлу Русь, если, по тогдашнимъ понятямъ вѣры, не сдѣалось бы задовольненье, если, ведля той вѣры въ конечнѣсть мести, не була бы Ольга принялась: ѳтомстити смерть Игоря — мужа-родича — на Деревлянахъ.

Въ цѣломъ оповѣданью про сграшну тую мечь — Ольга, хотя женщина, проводить съ незвыклоу хитростію цѣлому дѣлу. Коли сынъ Святославъ бувъ еще малый, нѣ по силъ, нѣ зъ розуму недорослый до такого, самую вѣроу освященного дѣла: цѣла повиннѣсть упала на Ольгу.

Мечь за убійство, якъ у всѣхъ, такъ и межъ Деревлянами, була закономъ. Тому-то они поквапились запобѣчи конечности мести дуже прозорнымъ и мудрымъ способомъ, якимъ единственно могли загладити тую мечь силоу той самой поганской вѣры. Не лишъ бо самѣй живѣи роды своились

межь собою тымъ, що мужина зъ роду далекого, бравъ собѣ жену чужу, но ведля вѣры, и чуры тыхъ побираючихся родѣвъ мирились межь собою. Деревляне убили Игоря за его лукавство, но задумали усунути месть тымъ, що заставили князя своего Мала, старатись о руку вдовицѣ Ольги. Въ той спосбѣ задумали они дѣло немале, постановивши: „Возьмемъ Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ Святославомъ сдѣлаемъ, що хочемъ!“ Вотъ, на яке ту заносилося! Деревлянскій князь Малъ намѣривъ не що друге, а, взявши за жену Ольгу, заступити собою русскихъ князей и усунути родину Рюриковичей бѣгъ владѣнья! Що на той часъ було бы сталось съ цѣлою Русію? Чи змогли булибъ дикі Деревляне удержати на стѣлько обширныхъ земель пѣдъ своимъ владѣньемъ? Вѣроятно, такъ Русь, якъ и цѣла русска земля была бы пропала, если Ольга булабъ не заявила такъ великою мудрости и хитрости.

Не она сама, но и весь кievскій нарѣдъ, цѣла дружина участвуе въ дѣлѣ мести.

Деревляне пѣслали двадцять знакомихъ мужей на лоду до Кіева, засватати Ольгу. Ольга, увѣдавши о нихъ, запытала: За чимъ вы прійшли? Послы бтповѣли: пѣслала насъ деревлянска земля, сказати тобѣ: мужа твоего мы убили, по тому, що бнѣ насъ грабивъ, якъ вовкъ, а нашій князь добрій распали деревлянску землю, щобы ты и бтдаласъ за нашего князя Мала.“ На то Ольга: „Люба менѣ ваша рѣчь и въ самѣмъ дѣлѣ, мужа моего менѣ не воскресити, но я хочу сдѣлати вамъ честь велику передъ своимъ людьми. Теперъ вы идѣтъ назадъ въ свою лоду и розложѣтесъ тамъ думно. Якъ завтра прійшло за вами, то вы скажете: не ѣдемъ на коняхъ, не идемъ пѣшо, а несѣтъ насъ въ лоду. Они васъ и понесуть.“

Коли Деревляне пѣшли въ свою лоду, приказала Ольга, на загороднѣмъ палатнѣмъ дворѣ выкопати глубокую яму, а пѣславши другого дня за гостями, велѣла сказати имъ: „Ольга зове васъ на велику честь!“ Деревляне бтповѣли: „Не ѣдемъ нѣ на коняхъ, нѣ на возахъ, и пѣшо не идемъ; несѣтъ насъ въ лоду!“ Кіевляне на то: „Нашъ князь убитъ, а княгиня наша хоче за мужъ за вашего князя; мы люди невольнїи!“ И понесли ихъ въ лоду. Гостѣ запышались, но коли принесли

ихъ въ самъ двѣръ, то кинули всѣхъ въ яму. Ольга запытала ихъ, нагнувшись къ нимъ: „Довольнѣ вы честію?“ — Деревляне отвѣдили: „Охъ, хуже намъ Игоревой смерти!“ Княгиня приказала засыпати ихъ живцемъ, що и сталося.

Опоравшись такъ съ ними, послала Ольга до Деревлянъ сказати имъ: „Если хочете, чтобы я пошла за князя вашего, то пошлѣтъ знакомитыхъ мужей, бо Кіевляне мене не пустятъ.“

Деревляне выбрали що наилучшихъ зъ-помежь себе и послали въ Кіевъ. Тамъ Ольга велѣла для нихъ нарядити купель, а якъ вошли гости, чтобы обмыться, Кіевляне подпалили купель и всѣ они погорѣли.

Послѣ того отправилася Ольга съ Кіевлянами въ деревлянску землю и заслала имъ вѣсть: „Я уже въ дорожѣ до васъ; наварѣте ботато меду въ городѣ, где убили мужа моего, я поплачу надъ его могилою и отправлю тризну (поминки).“ Деревляне услухали, звезли много меду и зварили. Ольга прійшла съ малою дружиною къ Игоревѣй могилѣ, поплакала надъ нею и велѣла своимъ людямъ, насыпати высокій курганъ и починати поминки. Деревляне стали пити; Ольга приказала облуговати ихъ своимъ людямъ. На запросъ Деревлянъ: „Где нашѣ послы?“ — „Идутъ за мною, разомъ съ дружиною мужа моего,“ отвѣдила княгиня. Упившихся Деревлянъ казала Ольга пересѣчи своимъ людямъ. И такъ погибло ихъ до 5000.

Вернувши въ Кіевъ, стала Ольга собирать войско на Деревлянъ. И слѣдующого року пошла, взявши молоденького сына съ собою, на нихъ. И ему малому слѣдовало участвовать въ тѣй мести, за убійство родича. Розказують, що малого Святослава посадили Кіевляне на коня, подали ему въ руки ратище (спису), котре пролетѣло коневи межъ уши и ударило его въ колѣна. Не мавъ бо онъ еще на стѣлько силы, чтобы мѣгъ двигати ратище.

„Князь уже распочавъ!“ зазвали воеводы дружину; „потягнемъ всѣ за княземъ!“

Такъ назнаменовавши законнѣсть похода въ святѣй справѣ мести за убійство князя-родича, побѣдили Деревлянъ.

Деревляне загадали були, женивши князя своего Мала съ Ольгою, спрятати малого Святослава, а тутъ онъ, дѣтвакъ,

явився на челѣ дружины своего родича яко мститель, явився спасти такъ себе, якъ и цѣлу Русь ътъ заглады! Родова справа его сдѣлалась справою цѣлои Руси. Въ томъ и причина, для чего его малого посадили на коня, битися съ Деревлянами.

Дружина побѣдила Деревлянъ, но, подступивши подъ столичне мѣсто ихъ Коростень, не могли его заняти, бо, не сподѣючись ніякою милости, по той причинѣ, що Коростенцѣ убили Игоря, боронились дуже крѣико. Цѣле лѣто перестояла Ольга подъ Коростенемъ и ту обдумала она нову хитрость. Пѣслала сказати имъ: „Зачѣмъ опираетесь такъ долго, коли всѣ другіи братья ваші сдались, платятъ дань и спокойно обрабляютъ землю?“

Коростенцѣ ѡтповѣли: „Мы радо хотѣли бы платити дань, но ты хочешь, видко, мститись за мужа!“

— „Я уже ѡтомстила за мужа не разъ въ Кіевѣ и ту на тризні, — не хочу бѣльше мститись, а хочу брати дань по-немного и помиритись съ вами.“ сказала Ольга.

Коростенцѣ спросили: „Чого же ты хочешь ѡтъ насъ? Мы раді давати медомъ и кожухами дань!“

На то ѡтповѣла Ольга: „Не хочу накладати на васъ тяжкои дани, якъ то дѣлавъ мужъ мѡй; теперь у васъ нѣ меду, нѣ кожухѡвъ; менѣ дайте вы немного. Дайте менѣ ѡтъ каждаго дому по три голуби и по три воробцѣ, вы бо стубожѣли черезъ часъ осады!“

Коростенцѣ урадовались тою ласкавостію, собрали зъ каждаго дому по три голуби, то по три воробцѣ, и пѣслали Ользѣ съ поклономъ.

Она ѡтпустила ихъ спокойно въ мѣсто, обѣцавши слѣдующого дня рано вертати въ Кіевъ. Собраніи голуби и воробцѣ роздѣляла она межъ дружину свою, приказала каждому привязати грудочку чѣру (губки) съ огнемъ, а скоро смерклось, пустити ихъ, летѣти назадъ до мѣста. Такъ всѣ голубы и воробцѣ пролетѣли скоро, каждый на нѣчлѣгъ подъ свою стрѣху. Не вытревало — ажъ и цѣле мѣсто обгорнувъ великій пожаръ!

Такимъ-то способомъ знищала Ольга мѣсто Коростень; переполошенныхъ жителей дружина ея переловила, старшину забрала съ собою въ Кіевъ, многихъ роздѣлила межъ дружи-

ну свою невблнниками, а на тыхъ, що лишила, наложила тяжку дань. Двѣ части зъ той дани шли въ Кіевъ, а третя до Вышгорода, для самон Ольги.

Таку-то страшну месть совершила Ольга на Деревлянахъ, еи малый сынъ Святославъ и Кіевляне. Якъ много значила месть тая въ тыхъ часахъ, видно зъ того, що заразъ послѣ неѣ отправилась Ольга съ сыномъ своимъ и дружиною, объѣхати всѣ русскій землѣ. Пѣздка тая пояеняе бѣльше, нежели хоть бы яка вымовна рѣчь, значенье мести. Цѣлость и единство русскон землѣ спаслось тымъ, що погубне двыженье Деревлянъ нашло законну, ѣтстрашающу кару. Щобы всѣ знали, кто законный князь ихъ, въ чѣмъ имени она рядилась, водила Ольга всюда малого Святослава. И стала она ревнио заниматься ладомъ и порядками земель своихъ. Где тѣлько являлась, всюда становила уставы и уроки. Уставами заявляла все то, щб, кто и якъ мавъ робити. Уроками приказовались всѣ пѣвинности, припадающі на якій речинець (терминъ), уплата дани, або робота на корысть власти.

Не було мѣстця такого, где бы не указовали люди на слѣды еѣ притомности, на погостья, двѣрки, станица, где занималась ловами. Многій мѣстцевости носили имя еѣ: „Ольжичій“; и где тѣлько загостила она на гостину, памятный слѣдъ оставляла по собѣ.

Бувъ то обычай и звычай уже первыхъ князей русскыхъ, пѣдъ осѣнь ѣтправлятись по земляхъ на полюдьѣ, т. е. въ гостѣ. Обычай той бувъ прастарый, славянскій. Прославились бо всѣ роды и племена славянскій своею великою гостиностію, навѣтъ для всѣхъ чужихъ. Тымъ щирѣше гостились они помежь собою. Въ самъ той часъ, коли съ настающою осенью було всюда досыть статку, було чимъ угостити, чимъ подарити: выбирались и князь на гостину до своихъ земель, живили себе в своихъ, побирали дарунки, но не дармовали. Свободно було каждому, являтись передъ княземъ съ якою будь жалобою, съ позвольт. Князь не бувъ простымъ звычайнымъ гостемъ, а голова-владѣтель всѣхъ земель, до котрого приходивъ каждый съ кривдою своею, допоминатись правды и права. Таке гостинне пробуванье князя яко судіи по земляхъ называлось „полюдьѣ.“

На такихъ-то полюдьяхъ пряталась Ольга, ревно занимаючися справами, ладомъ и порядкомъ. Трудилась и заступала сына своего такъ довго, поки бѣть не прійшовъ до тыхъ лѣтъ, котрѣ призволили сдати все труды владѣнья на него.

Спасительне и святе дѣло запрядало було цѣлу душу ревной Ольги. Въ Кіевѣ були уже многі христіане, була уже соборна церковь св. Іліи. Видѣла Ольга, що духъ и обычаи христіанъ були о много лучшѣ, якъ навички и натуры всехъ поганъ. Видѣла она, що тѣи служили и поклонялися истинному Богу, Богу правды, любви и мира; видѣла, що съ вѣрою христіанскою було свѣтло. Натомѣсть погане поклонялися мертвымъ болванамъ, тесанымъ назъ камѣня, а вѣра ихъ була темною. Розумъ Ольги переймився жаждою свѣтла христіанской вѣры. Задумала она, отпрапитися въ Царгородъ до Грековъ, чтобы тамъ окреститися.

Бувъ тогда царь у Грековъ, именовъ Константинъ Багрянородный. Ольга отправилася, въ проводѣ многыхъ слугъ, служницъ, послѣвъ, гостей, племянникѣвъ и переводчикѣвъ. Бувъ межъ ними и священникъ. Красна Ольга такъ дуже подобалась царице, що предложивъ ей свою руку. Но она зажелала сперва креститися и просила царя въ кумы. Но послѣ крещенья, коли царь поновивъ свою просьбу, сказала: „Вѣдя христіанского закона, не може кумъ женитися съ покрестницею своею!“

— „Ольго, ты перехитрила мене!“ сказавъ здивований царь. И стало на томъ, що въ честь Ольги греческій царь справивъ для своей покрестницѣ на цѣломъ царскѣмъ дворѣ великій праздникъ. Но всежь таки при церемоніяхъ тыхъ честолюбиву Ольгу наразили собѣ Греки тымъ, що не дали ей самого первого мѣстця, а посадили на ряду со знатыми Гречанками. Тымъ давъ ей царь почуветвовати, що, откажавшись руки его, не була она родомъ своимъ ему рѣвна. А никто такъ легко не уразится, якъ женщина, еще до того така тямлива и прозорна, якою була Ольга.

Не щадили Греки дарункѣвъ для Ольги, а зъ тыхъ узнати можемъ, якъ въ тыхъ давныхъ часахъ малѣ въ нашихъ очахъ сумы, являлися предкамъ нашимъ великими. Подарили Греки

нашій Ользі одного разу 40, а въ другій разъ не больше, якъ 20 червонихъ.

Такъ мудрѣйша изъ всѣхъ Ольга сталась христіянкою. Працюючись съ Греками, сказала она патріарху: „Народъ и сынъ мѣй въ язычествѣ (поганствѣ); дай Боже устеречись отъ всякого зла!“

Повернувши до Кіева, хотѣла Ольга склонити сына своего Святослава, щобы навернувся до христіянскои вѣры.

— „Я узнала Бога, и радуюсь; если ты узнаешь Его, то ты также станешь радоваться.“

Святославъ не услухавъ, а отповѣвъ: „Якъ менѣ одному приняти другу вѣру? Дружина стане смѣяться.“

На то сказала Ольга:

— „Если ты крестишься, то и всѣ стануть дѣлати тое же.“

Но не була то еще пора для крещенья князя и цѣлои Руси. Хотя насмѣвалсь погане изъ христіянъ, таки гоненій и великои злости межъ ними не було, если стояла христіянска церковь въ Кіевѣ, если не боронили христіянамъ, молвитись и служити Богу по своему. Самі насмѣшники не могли князя заставити боятись, а скорше цуратись кресту. Самъ Святославъ, его цѣла натура, норovy, склонности, велике замялованье до твердого, воинского житья, заставили его, держатись старои, поганскои вѣры.

Крещена Ольга не мала чого обавлятись въ Кіевѣ. Найкрасшій и найббольшій то доказъ, якъ высоко тамъ всѣ цѣнили и поважали ю. И натура язычникѣвъ русекихъ явилась не такъ дикою, поганою, ненавистною для чужои христіянскои вѣры, якъ то бывало тамъ, где вѣру тую учили латинскій священники. Сказати смѣло можемъ, що перві отцы духовніи, посланіи для Руси Греками, честно наставляли невелику паству свою, не накидали никому насильно своего ученья, не пригнѣтали ні своихъ вѣрныхъ, ні невѣрныхъ. Розвивалась церковь Христова въ духу Меодія и Кирилла, и тому-то ні Ольга, ні крещеніи люди, не дбзнали гоненій.

Безпечно проживала Ольга въ Кіевѣ, почавши отъ поры ей крещенья, 957 року, цѣлу десятку лѣтъ въ крузѣ своихъ внукѣвъ, коли Святославъ мало коли тамъ являвся.

УІІІ.

Князь Святославъ.

Въ Святославѣ являеся чоловѣкъ твердаго, войскового духа. Участвуячи хлопцемъ-недолѣткомъ на мстивѣмъ походѣ противъ Деревлянъ, за молоду полюбивъ бнѣ зброю, полюбивъ вѣйну. Тому-то и навѣкъ бувъ жити такъ, якъ воякъ зъ ремѣсла и зъ роду. Спати — спавъ пѣдъ голымъ небомъ, кладучи кѣнске сѣдло пѣдъ голову, а вѣсти — вѣвъ мясо, прижарене на угльяхъ. Набравъ бнѣ собѣ много хоробрыхъ вояковъ изо всѣхъ сторонъ и пѣславъ заповѣсти розличнымъ народамъ: „Хочу на васъ ити!“ — Въ походахъ своихъ водить бнѣ съ собою саму тѣлько дружину, наборне войско; не скликае бнѣ племень. Видно зъ того, якъ високо поступила була княжа власть, если не потребовала бѣльше помочи племень цѣлыми громадами, а була въ силѣ, прокормити и удержати на ногахъ стало численну и збройну дружину. За Святослава княжій престоль и владѣнне являються на стѣлько скрѣплені, що Русь зчала росширять свои границѣ.

Межи славянскими землями була еще одна, непринадлежаща до Руси, земля Вятичей. Вятичі платили еще дань Хазарамъ. Святославъ побѣдивъ хана ихъ надъ рѣкою Дономъ, здобувъ головный городъ ихъ, Бѣлу Вежу, а потому ѣтправився на прикавказскихъ жителей. По рѣцѣ Волзѣ спускався бнѣ съ дружиною своею, пѣдбиваючи Хазаръ, Ясѣвъ и Касѣговъ. На поворотѣ зъ того походу, узыскавши для Руси далеку тмутороканску землю, наложивъ дань на Вятичей, живучихъ найдалше на всхѣдъ солнца ѣтъ рѣки, яко послѣдне славянске племя, вѣйшовше въ складъ великой Руси.

Но для Святослава отворилось друге, широко поле на ратнѣ боевѣ подвиги. Греческого царя Никифора застигла вѣйна изъ двохъ сторонъ: зъ одной стали натирати на него Арабове, неповѣдаючи крѣпко вѣру пророка своего Могамеда, а зъ другой Болгаре. Союзъ и прѣязнь Грековъ съ Русью заставили Никифора, нескати для себе зъ нею выгоды. Нетрудно було чоловѣка — такого воинского духа, якъ Святославъ, узыскати для вѣйны, еще до того въ самѣй принадабѣ земли. Що-разъ бѣльше а бѣльше людей, замлованыхъ въ

житью воинско́мъ, горнулося до него, такъ що готовъ бувъ пойти безъ всякого труда, хоть бы якъ далеко. Царь предложивъ ему, завоювати болгарску землю и обернути ю на свою.

Рѣка Дунай була споконвѣчно и такъ славянскою рѣкою-славутцею. Претягала она немало уже первыхъ ратныхъ русскихъ князей, тожь не диво, если Святославъ цѣлою силою ударивъ на Болгарь. Скоро завоювавъ онъ Болгарію, забравъ головный городъ ихъ, Переяславецъ на Дунаѣ, и ставъ тамъ жити, якъ бы дома. Но въ часѣ его удаленья изъ Руси на чужину 968 року найшла велика тревога на мѣсто Кіевъ.

Тіи самы Печенѣги, що то зазавъ ихъ бувъ въ свою пору небощикъ князь Игорь на помѣчь противъ Грековъ, явились теперь великою ордою передъ Кіевомъ, увѣдавши, що князь далеко ътъ русскои землѣ надъ Дунаемъ. Престарѣла Ольга, съ малолѣтними внуками, затворилась передъ ними. Уже почавъ бувъ Кіевлянамъ докучати великій голодь, а ту страхъ такій ътъ Печенѣговъ, що нї выйти кому зъ мѣста, нї подати якимъ свѣтомъ вѣдомѣсть людянь... На другій бо сторонѣ Днѣпра собралсь були узброені люди на людкахъ, лишь не було якъ porozумѣтись съ ними...

„Чи не ма такого межъ нами, котрый бы ътважився пойти на другу сторону Днѣпра и сказати людянь нашимъ, що, если они завтра не нападутъ на Печенѣговъ, то мы всѣ поддамося?“ поспытали Кіевляне.

И се явился молодець съ крикомъ: „Я пойдун!“

„Иди!“ закричали всѣ.

Молодой чоловікъ той вийшовъ съ уздечкою въ руцѣ изъ мѣста и, ходячи по-межь Печенѣгами, пытавъ ихъ: „Не видѣвъ кто зъ васъ мого коня?“

Знавъ онъ говорити по печенѣжски такъ, що лупежники тіи тримали его за свого. Прийшовши надъ рѣку, знявъ изъ себе платье и поплывъ... Печенѣги змѣрковали, що въ тѣмъ яка-то хитрость, и почали стрѣляти за нимъ, но не могли трафити. Русскій подплыли до него лодкою и перевезли на другій берегъ. Ту заговоривъ до нихъ молодець: „Если не подступите завтра подъ мѣсто, то люди хотять едаться Печенѣгамъ.“

А бувъ на чолѣ Русскихъ воевода, именовъ Претичъ; той отвѣвъ на то: „Подступимъ завтра въ лодкахъ, спасти княгиню съ княжатами, а нѣтъ, то Святославъ погубитъ насъ, якъ вернеся!“

Вѣ пристали на то. На другій день, на розсвѣтъ, послали въ лодки и громко затрубѣли; люди въ городѣ откликнулись имъ радостно. Печенѣги, перепудились и думаючи, що самъ князь Святославъ иде на нихъ, розбѣглися отъ мѣста, а за той часъ успѣла Ольга съ внуками сѣсти въ лодку и переплыти на другій берегъ.

Довѣдавшись о томъ, прійшовъ самъ печенѣжскій ханъ до Претича и пытае: „Кто такій прійшовъ?“

Претичъ отвѣвъ: „Люди съ тамтои стороны!“

„А ты князь?“

„Нѣ, я княжій мужъ, прійшовъ въ сторожахъ, а по менѣ иде полкъ съ княземъ, — безчисленне множество войска!“

Тогды сказавъ ханъ печенѣжскій воеводѣ: „Будь менѣ другомъ!“

Оба подали собѣ руку и помѣнялися дарунками.

Печенѣги отступили отъ города Кіева.

Кіевляне послали сказати Святославу: „Ты князю чужон землѣ ищешь и блюдешь ю, отъ своен же отрѣкся; мало що не забрали насъ Печенѣги съ твоею матерью и дѣтьми!.. Если не прійдешъ оборонити насъ, то заберутъ. Не жаль же тобѣ нѣ матери-старухи, нѣ дѣтей малыхъ?...“

Выслухавши таку вѣсть, Святославъ сѣвъ на коня съ дружиною, поспѣшивъ въ Кіевъ, поздоровивъ мать- Ольгу и дѣти, побивъ Печенѣгъ и прогнавъ ихъ въ степы далеко. Но въ Кіевѣ не мѣгъ онъ довго перебувати.

„Не дубо менѣ въ Кіевѣ; хочу жити въ Переяславцѣ, на Дунаю; тамъ середина землѣ моеи! Туда изо вѣхъ сторонъ звозять все добрѣ: отъ Грековъ золото, ткани, вина, розличнїи овочїи; отъ Чеховъ и Угровъ серебро и конїи; зъ Руси футра, мѣдъ, вѣскъ и невѣльничковъ.“

Такъ отозвався одного дня князь Святославъ до матери Ольги. Ольга на то отвѣла: „Ты видишь, що я стара, слаба; куда же ты отъ мене отходишь? Якъ похоронишь мене, то види, куда хочешь!“

За три дни умерла Ольга; проплакались всѣ за нею, сынъ, внуки и люди, плачемъ великимъ. Приказала она похоронитись ведля христіянского обряда, не позволивши справляти тризну.

По смерти матери, еще бѣльше затуживъ Святославъ за Дунаемъ, за добутою болгарскою землею. Задумавъ бнѣ поворотню отпривитись туда и отказать дальшого владѣнья на Руси. Въ той цѣли зробивъ бнѣ первый подѣлъ русскихъ земель межъ трѣхъ сынѣвъ своихъ: Ярополка, Олега и Володиміра. Послѣдній зъ нихъ бувъ сыномъ ключницѣ Малуши, сестры воеводы Добрыни. Яко сына служивцѣ, уважали его нерѣвнымъ по роду обомъ старшимъ братьямъ, и тому на разѣ не назначивъ бувъ князь-отецъ для него ніякого удѣла. Найстаршого Ярополка посадивъ бнѣ княжити въ городѣ Кіевѣ, а молодшому Олегу давъ соедню деревлянску землю.

Но Новгородцѣ, увѣдавши о тѣмъ, що сталося, не хотѣли бути усполѣжені, не хотѣли жити безъ князя, подѣ управленемъ посадникѣвъ изъ Кіева. Якъ довго цѣлою Русію управлявъ тѣлько одинъ князь, сидѣли они тихо, но теперъ, коли Кіевъ получилъ свого, а Деревляне другого князя, пѣслали до Святослава съ грозбою: „Если никто зъ вашего роду не пѣйде до насъ, то мы найдемъ собѣ князя!“

Святославъ боявся утратити ту часть земель, где Русь мала своій початокъ, где сперва она укрѣпилася, найшла свою колыбель и зъ бѣтки, якъ по клубку, розмоталася широко и глубоко...

Тогды-то Добрыня пѣддавъ Новгородцямъ: „Просѣтъ Володиміра!“

И сталося, що Новгородцѣ взяли Володиміра съ собою и съ Добрынею. Сдѣлавши такій ладъ, отпрививъ Святославъ до Переяславця. Но тамъ заскочили его несподѣвані трудности и борбы.

По смерти греческого царя Никифора, ставъ царемъ Иванъ Цимисхій. Той не хотѣвъ довше проживати въ мирѣ и пріязни съ такимъ небезпечнымъ и хоробримъ чоловѣкомъ въ соедствѣ, якъ Святославъ. Славніи були Греки по своей хитрости, а пріязнъ ихъ не була для Русскихъ щира...

Переяславці затворились передъ Святославомъ, а велике греческе войско, въ числѣ 100.000 чоловѣкъ, двинулось на него. „Уже намъ ту видно погибати; потягнемъ неустрашимо, братья и дружино!“ заголосивъ русскій князь до своихъ. — „Где твоя голова ляже, тамъ мы нашій головы положимъ!“ ъткликались ему войны. Но трудно було остоятись на чуждѣй землі хотъ бы якъ хоробрѣй дружинѣ русскѣй. Тѣлько мѣстцями и хвилями счастлилось Святославу, пѣддержати честь русского оружья. Тому-то не мали Греки ътваги, битись съ нимъ до крайнѣго. Грекамъ не далеко було изъ Болгаріи до дому: могли они що-хвиля крѣпитись свѣжими, новыми войсками, коли дружина Святослава уменьшалася, а новыхъ силъ далека Русь не доставляла. Помимо того, узглядняючи незвыклу хоробрѣсть Русскихъ, Греки заключили миръ, упокоряючій Святослава. Не лишъ бѣ съобовязався ънъ ътказатися Болгаріи, но съ неудачію подввгѣвъ его, упали всѣ давнѣйшіі корысти для Руси зъ Игоревой угоды...

Памятне для насъ зъ той поры описанье, яке подали Греки о Святославѣ. Воевода Грековъ скрѣпивъ миръ личнымъ свиданьемъ съ русскимъ княземъ. Приплывъ Святославъ на означене мѣстце въ лодцѣ по Дунаю, гребучи весломъ зарѣвно съ другими сплавниками. Зрѣсть у него бувъ середній, пласкій нѣсъ, синій очи, густіі бровы, на бородѣ мало волосья, а довгіі, косматіі усы. Волосье на головѣ було пристрижене, кромѣ седедця, висѣвшого по обохъ сторонахъ, що знаменовало особу знакоmitого рода. Шія у него була груба, груди широкіі, а всѣ другіі членіі стройніі. Цѣла подоба его була грозна, дика. Въ однѣмъ уху висѣвъ кульчикъ, съ двома перелками. Бѣла одѣжь чистотою тѣлько рѣзвилася ътъ одѣжи всѣхъ русскихъ людей.

Въ немале удивленье заставивъ Святославъ Грековъ тымъ, що ніякои не звернувъ уваги на ихъ золото, на ихъ дорогіі, обманчивіі дарунки, а принявъ ътъ нихъ съ бѣльшою радостію дароване оружье. Съ тымъ и ътступивъ ънъ зъ болгарской землѣ.

Но якъ же слѣдовало ему, послѣ такой неудачи, вертати на Русь, ътъ котрой ънъ ътказався, надѣляючи сынѣвъ своихъ землями и владѣнцями? Немалый то стыдъ бувъ для него, рус-

ского князя, полководца, такъ довго непобѣдимого, уходитъ изъ прославляемой нимъ землѣ, выше цѣнимой, якъ Русь, покоренному, назадъ тамъ, где не любивъ перебувати... Еще до того приходилось, ѳтнати у сына Ярополка кїевеке владѣнне снова для себе! Таке покоренне воинска душа Святослава не могла перевести на собѣ. Задумавъ ѳнѣ, выправити старого воеводу Свинельда на Русь и набрати свѣжихъ силъ, щобы, скрѣпивши змалѣду дружину, ударити снова на Грековѣ. Самъ князь, съ невеликимъ числомъ товаришей, ставъ зимовати въ Бѣлобережью, при устью Днѣпра.

За той часъ вражїи Болгаре заслали вѣсть до степовыхъ Печенѣговѣ, що идутъ Русскїи съ невеликою дружиною. Воеводѣ Свинельду не скоро дѣялось, набирати свѣжихъ силъ, бо и якъ же могли русекїи люди спѣшити, спасти честь князя, котрый русскою землѣ ѳтцурався?..

Черезъ цѣлу зиму переѣли все Святославовїи люди, где що було, навѣтъ и всѣ конѣ. Пускатись въ степы не було якъ безъ коней; такъ стали плыти горѣ водою Днѣпромѣ, добиваючись пороговѣ. Но тамъ засѣли були уже на Святослава Печенѣги. Убили они Святослава и всю его дружину 972 року.

Ев. Згарскїи.

О Т Ч Е Т Ъ

центрального Выдѣла Общества им. М. Качковского,

за время отъ 3 (14) мая 1876, до 2 (14) мая 1877.

I. Число членовъ съ днемъ 2 (14) мая 1877:

6.123.

II. Имѣніе Общества

становлять:

а) вносы членскїи и

б) жертвы

Остальностьъ касовая съ концемъ года, т. е. съ 2 (14) мая 1877 выносятся:

распорядимую готовизною	441	зр.	28	кр.
и въ резервовомъ фондѣ*)	1	"	—	"
кромѣ того имѣеть Общество на долгахъ.	307	"	98	"
и запасъ собственныхъ книжокъ въ цѣнѣ	300	"	—	"

III. Приходы.

Остальность кассовая съ днемъ 2 (14) мая 1876	169	ар.	79	кр.
Дальшія уплаты:				
на вносы членскіи	4.075	"	70	"
отсотки	26	"	27	"
за продажу книжонокъ	20	"	98	"
на субвенціи и жертвы	231	"	—	"
возворотъ зачетовъ	14	"	50	"
на фотографію общаго собранія въ Стрыѣ	9	"	—	"
на фондъ коренный	1	"	—	"
Разомъ	4.548	ар.	24	кр.
По оттягненіи расходовъ	4.105	"	96	"
Осталось въ кассѣ Общества съ днемъ 2 (14) мая 1877 наличнымъ	442	ар.	28	кр.
Въ томъ 1 ^я зр. на резервный фондъ				

IV. Расходы.

На содержаніе чиновниковъ	315	ар.	—	кр.
гонораръ за рукописи, редакцію и корректуру	155	"	80	"
чисти за канцелярію	206	"	10	"
за печатаніе изданій	1.387	"	64	"
переплетъ	319	"	4	"
паперъ для книжечокъ	750	"	57	"
мебли и другіи снаряды	137	"	46	"
клиши и образы	79	"	31	"
часописи	21	"	59	"
формуляры манипуляційныи	13	"	—	"
дрова	17	"	13	"
освѣтленіе	7	"	46	"
паперъ пакунокъ	9	"	26	"
полотно пакунковое	3	"	70	"
паперъ для канцеляріи	2	"	69	"
выдатки канцелярійныи, якъ: порто, лякъ, штагаты, чернило, пера, оловцы и пр.	70	"	63	"
почтовые марки, листы тяжарныи и прч.	300	"	27	"
перевезеніе канцеляріи	11	"	23	"
служащему	28	"	—	"
на устроеніе филій**)	174	"	48	"
торжество обхода дня смерти Качковского	82	"	95	"
подать заробковая	12	"	65	"
Разомъ	4105	ар.	96	кр.

Отъ центрального Выдѣла Общества имени М. Качковского.

Львовъ, 3 (15) мая 1877.

В. М. Площанскій.

Бѣленскій.

*) Прешній резервный фондъ вчислено въ общіи приходы.

**) Делегаты отъ центрального Выдѣла вѣдали на свой счетъ.

Вѣсти изъ центрального Общества выдѣла имени Михаила Качковского во Львовѣ.

— **Второй рѣкъ** Общества имени Михаила Качковского скѣнчився 3 (15) Мая 1877. Тѣи члены, котрї на слѣдуючїй рѣкъ, т. е. на часъ бѣтъ 3 (15) Мая 1877, до 3 (15) Мая 1878, свои вкладки (1 реньскїй) еще не сложили, повиннї тое якъ найскорше сдѣлати. Если бы еще кто за поереднїй два лѣта, або за одинъ рѣкъ, не надбслав свои вкладки, най пришло и залеглѣсть съ новою вкладкою. За той реньскїй буде каждый членъ доставати що-мѣсяця по одной хорошїй книжочкѣ.

— **Приступати** до Общества имени Михаила Качковского можна каждого дня старшамъ и молодшимъ, ученымъ и нечдныль, священникамъ, урядникамъ, професорамъ, учителямъ, громадамъ, братствамъ, школамъ и читальнямъ. Могуть и панѣ, и панны, и жѣнки, и дѣвчата приступати до сего славного Общества нашего, складаючи зъ горы 1 реньскїй. Каждый Русинъ и каждая Русинка повинна старатись о тую честь, щобы належати до сего Общества.

— **Въ двохъ лѣтахъ** выдало Общество имени Михаила Качковского 18 книжочокъ, т. е. 17 книжочокъ для членѣвъ, а одну („Дядько Өома“) для всѣхъ, котрї ю собѣ еще особливо купити хотять, разомъ всѣхъ книжочокъ въ 120.600 экземпляряхъ. Мало не всѣ тїи книжочки суть уже въ рукахъ нашихъ селянъ, мѣщанъ и т. д.

— **Загальное собранїе** всѣхъ членѣвъ Общества имени Михаила Качковского бѣбудеся сего (1877-го) року во Львовѣ, въ мѣсяци Вересни (Септембрѣ). День означитєя позднїйше всѣми нашими газетами и въ книжочкахъ Общества.

— **Каждая книжочка** буде теперь становити особну цѣлѣсть, буде крѣпко сшита и обрѣзана, такъ якъ книжочки за первой серїи, на пр. „Съ Богомъ“, „Горять“ и другїй.

— **За души** умершихъ членѣвъ Общества имени Михаила Качковского бѣбудеся поминальне Богослуженье въ Успенскїй (волоскїй) церкви во Львовѣ 17 (29) Червня (Юнїя). Имена умершихъ вписує выдѣль въ дуже пышный Помяникъ, котрый въ часъ Службы Божої и панахиды лежати буде на олтаре церковномъ. Такїи заупокойнїй богослуженья бѣбудутєя що-року. Такъ отже Общество им. Мих. Качковского памятає не тѣлько о своихъ живыхъ членахъ, подаючи имъ що-мѣсяця одну книжочку яко страву для ихъ духа и сердца, но памятати буде всегда о нихъ и по ихъ смерти, засылаючи къ Богу молитвы за упокой ихъ душъ.

— **Всѣ письма и посылки** просимъ адресовати такъ. „В. М. Площанскїй, мѣсто-предсѣдатель Общества имени М. Качковского — во Львовѣ, ч. 4, улица трибунальска.“

— **До центрального выдѣла** належать гг.: И. Наумовичъ яко предсѣдатель; В. Площанскїй яко мѣсто-предсѣдатель; дальше гг.: Бѣленьскїй, Геровскїй, адвокат Добрянскїй, Клемертовичъ, Корчукъ, д-ръ Миrowsкїй, Олѣйникъ, от. дух. Пачовскїй, проф. Полянскїй, Пleshкевичъ и Щербанъ.

ИЗДАНІЯ

ОБЩЕСТВА ИМЕНИ

МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО

за время

отъ 3 (15) мая 1876, до 3 (15) мая 1877.

Л Ъ В О В Ъ.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института,
подъ управленіемъ Ст. Гукковскаго.

Що въ тѣй книзѣ находится ?

I. Повѣсти, розказы и прч.

	Сторона —
1. „Божій судъ на незоду,“ Володиміра зъ подѣ Галича	” 47.
2. „Продана коса,“ Евгенія Згарского	” 143.
3. „Дарунки,“	” 161.
4. „Рукавичка,“	” 193.
5. „Два пріятели,“ О.	” 218.
6. „Сказка и правда,“ І. Д.	” 253.
7. „Корчма,“	” 254.
8. „Дядько Ѳома,“ Ореста Авдыковского	” 258.

II. Статьи историчныи и историко-литературныи.

1. „Исторія Руси,“ Евгенія Згарского, ...	” 336.
2. „Любовь къ Отчизнѣ,“ Вен. Ружицкого, ...	” 110.
3. „Якіи були права и суды на Руси,“ П-го	” 321.

III. Статьи всѣякого содержанья.

1. „Що для здоровья чловѣка конечно треба,“ Д-ра К. Ми- роновича	” 1.
2. „Нашъ цминтарій,“ М. К.	” 62.
3. „Горѣлка, погибель людей,“ А. Д.	” 65.
4. „Справозданье“ выдѣла	” 91.
5. „Якіи мають бути нашѣ хаты,“ М. К.	” 125.
6. „О поживности рослинныхъ стравъ“	” 155.
7. „Помѣщенье для скота,“ М. К.	” 159.
8. „Кѣлька словъ о садахъ“	” 188.
9. „Где-що о читальняхъ,“ М. К.	” 191.
10. „Розговоръ батька съ сыномъ,“ И. Ш.	” 225.
11. „Пріятели и вороги нивъ,“ Ѳ. О.	” 237.
12. „О саженью всѣякихъ деревъ,“ М. К.	” 241.
13. „Господарскіи записки“	” 243.
14. „Хоробы овецъ“	” 248.
15. „Якъ робити мѣдъ до питья“	” 251.
16. „Що то зъ того буде?“ Гр Третьяка	” 351.
17. „Отчетъ центрального выдѣла“	” 380.

IV. Всячина.

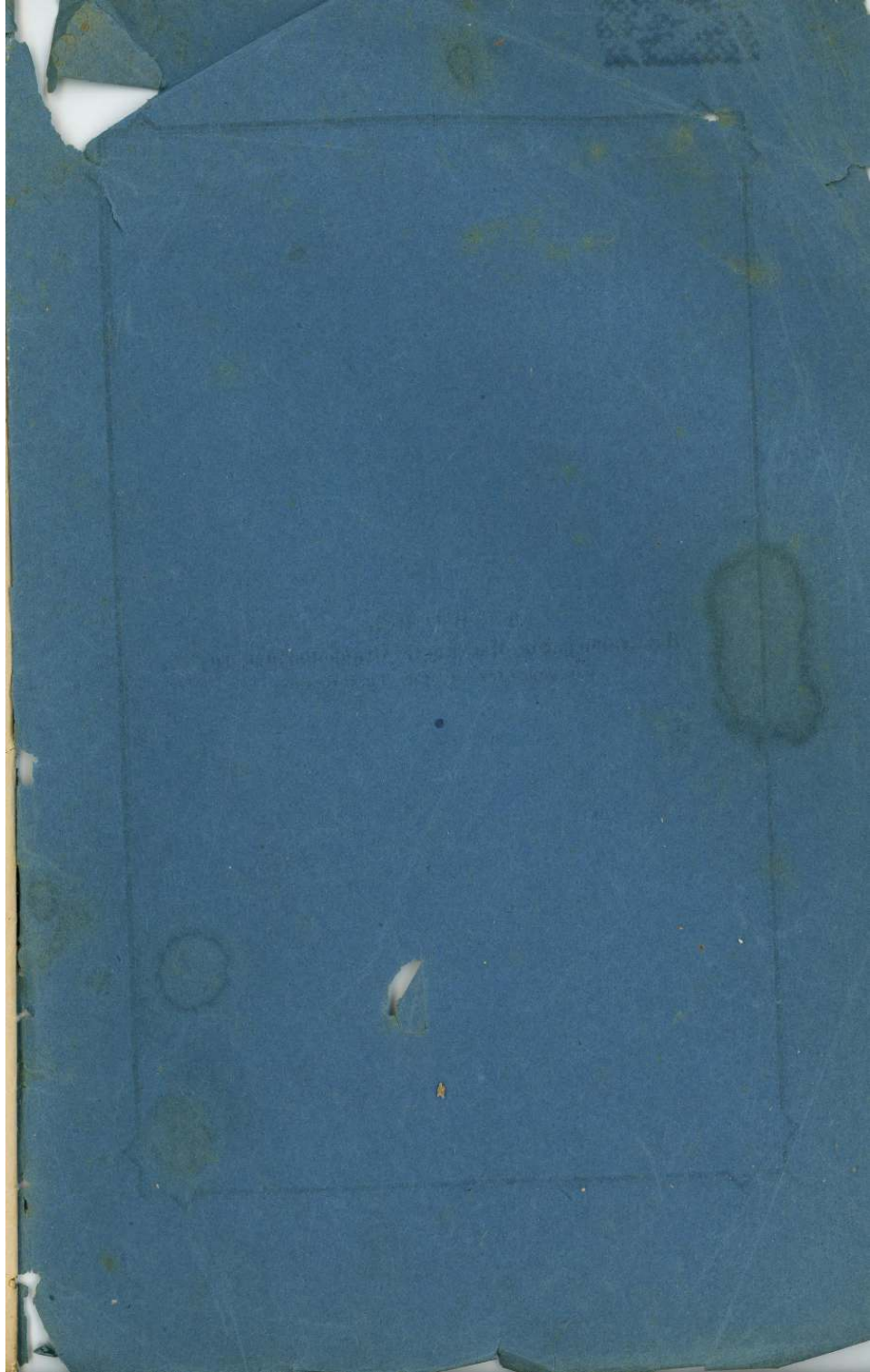
Вѣсти изъ центр. выдѣла (въ каждѣмъ вторѣмъ листѣ.)

Предсѣдатель Общества им. М. К.: Иванъ Наумовичъ.

Мѣстопресѣдатель Общества: Венедиктъ М. Площанскій.

Редаговавъ: Михаилъ Клемертовичъ, членъ Об. им. М. Качковского.

Л Ъ В О В Ъ.
Изъ типографіи Института Ставропигійского,
подо управленіемъ Ст. Гужовского.
